
RUSSIA: IMAGES AND STEREOTYPES

DOI: 10.15826/QR.2015.1.083

УДК 81:39 + 81-112 + 811.161.1'37
+ 811.161.1'28

Елена Березович
Юлия Кривошапова

ОБРАЗ МОСКВЫ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОГО И ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ: ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

Elena Berezovich
Iulia Krivoshchapova

THE IMAGE OF MOSCOW IN THE MIRROR OF THE RUSSIAN AND FOREIGN LANGUAGES: MAN. CULTURE. POLITICS AND ECONOMY

The article considers the reconstruction of the linguistic image of the Russian capital (Moscow) and its inhabitants (mainly in subdialects and the colloquial language). This image is studied with reference to the data of foreign languages and dialects, mainly, Slavic (especially East Slavic) languages as well as Romance and Germanic, Turkic and Finno-Ugric. The linguistic image is based on the analysis of words derived from the name of the Russian capital as a result of semantic derivation, as well as set expressions with such words (e.g. Russian dialectal *moskvichka* for 'milksop, lover of soft jobs', *namoskalit'sya* for 'learn to cheat', Ukrainian colloquial *moskal'ske kaparstvo* for 'Moscow (Russian) slapdash, disorder', Polish dialectal *moskal* for 'cabbage soup', English *Muscovy lantern* for 'lantern made with Muscovy glass', Swedish *Moscovit* for 'coat or raincoat with a Russian cut worn in the 1800'). The authors take into account the fact that in foreign languages, derivatives of the toponym in question do not only reflect the idea of Moscow, but, largely, of Russia as a whole. The article is the second part of a two-part sequence of articles on the topic. It studies the popular idea of the inhabitant of Moscow, the material and spiritual culture of the capital, as well as the economic and political aspects of its image. The analysis enables the authors to reveal the motivation of the words and idioms formed from the name of the capital. Additionally, the authors compare the national Russian and non-Russian perception of Moscow and its inhabitants. It is argued that, e.g., the national image of the Muscovite has a positive concept while the perception of the inhabitant of Moscow by foreigners is negative and is explained by its connection to the perception of Russians as occupant soldiers.

Keywords: Russian studies; Slavic studies; ethnolinguistics; semantic derivation; Russian dialectal vocabulary; phraseology; derivatives of toponyms.

В статье осуществляется реконструкция языкового образа столицы России (Москвы) и ее жителей, представленного в русском языке (преимущественно в говорах и просторечии). Этот образ изучается на фоне данных иностранных языков и диалектов, главным образом славянских (особенно восточнославянских), а также романо-германских, тюркских, финно-угорских. Языковой образ строится на основе анализа слов, образованных от названия российской столицы в результате семантической деривации, а также устойчивых сочетаний с участием таких слов (например, рус. диал. *москвичка* 'неженка, любительница «чистой» работы', *намоскálиться* 'научиться плутовать', укр. простореч. *москальске капарство* 'московская (русская) халтура, беспорядок', польск. диал. *moskal* 'суп из капусты', англ. *Muscovy lantern* 'фонарь, в отделке которого использовано «московское стекло», швед. *Moscovit* 'пальто, плащ русского фасона, который носили в 1800-е гг.'). Авторы учитывают, что в иностранных языках дериваты от изучаемого топонима нередко выражают представления не собственно о Москве, а о России в целом. Настоящая статья является второй в цикле из двух статей на эту тему. В ней изучаются народные представления о жителе Москвы, о материальной и духовной культуре столицы, а также об экономическом и политическом аспектах ее образа. В ходе анализа выявляются мотивировки слов и фразеологизмов, образованных от названия столицы. Осуществляется сопоставление «внутрироссийского» и «зарубежного» восприятия Москвы и ее жителя. Так, отмечается, что «внутренний» образ москвича имеет в целом положительную оценку, в то время как «внешний» образ жителя Москвы = русского окрашен в негативные тона и определяется восприятием русских как солдат-захватчиков.

Ключевые слова: русистика, славистика, этнолингвистика, семантическая деривация, русская диалектная лексика, фразеология, оттопонимические производные.

Настоящая публикация продолжает проблематику, которая разрабатывалась в нашей статье, опубликованной в предыдущем номере данного журнала [Березович, Кривошапова], – изучение языкового образа Москвы и москвичей на основе деривационно-фразеологического гнезда «Москва», представленного в русском и иностранных языках. Как и в предыдущей статье, основной массив изучаемых фактов принадлежит русскому языку. Используются данные, относящиеся к разным формам его существования, но упор делается на народную языковую традицию. Рассматривается не только нарицательная лексика, но и проприальная – вторичные топонимы (появившиеся в результате переноса, как правило метафорического, имени *Москва* на микротопонимию), а также индивидуальные и коллективные

прозвища, образованные от названия столицы. Что касается иноязычных фактов, то к анализу привлекается в первую очередь материал славянских языков и диалектов (особенно восточно- и западнославянских), реже – германских и романских, эпизодически – тюркских и финно-угорских. Следует также отметить, что изучаемые данные воссоздают концепт не только Москвы, но и России, поскольку многие дериваты (главным образом иноязычные) от слова «Москва» отражают не только значения 'столица России, Москва', 'московский', 'москвич', но и 'русский; российский', 'Россия'.

В предыдущей статье анализировались факты, характеризующие «географию» Москвы. В данной публикации представлен материал, связанный с социально-культурной сферой. Он разделен на три смысловых блока: Человек; Культура; Экономика и политика.

Человек

Языковой образ Москвы невозможно представить без портрета ее жителя. Пытаясь охарактеризовать столичного «аборигена» с помощью элементов деривационно-фразеологического гнезда «Москва», мы столкнулись с проблемой разграничения образов непосредственно москвича и русского человека вообще. «Московские» определения человека тесно связаны с двумя основными векторами развития значений дериватов от вершинного топонима (в частности, катойконимов): «связанный с Москвой, московский» и «связанный с Россией, русский». «Внутренний» образ москвича, имеющийся в сознании жителей России, сосуществует с «внешним» образом русского, представителя, условно говоря, Московского государства (см. далее раздел «Политика и экономика»), который укоренился в сознании ближайших и дальнейших географических соседей. В то же время «внешняя» семантика слов с внутренней формой «житель Москвы» может проявляться и в лексических фактах, отмеченных на территории России (например, на Дону, в Сибири), – таким образом, «москвич» амбивалентен по значению и в пределах русского языка, ср., к примеру: 1) краснодар. *москаль* 'москвич' – «На Кубань маскали панаехали и землю скупают» [СКГВост, с. 137], алт. *москаль* 'переселенец из Московской области' – «Москали, которые с Московской области приехали» [СРГА, т. 3/1, с. 89]; 2) смол. *москалька* 'о русской женщине' [СРНГ, т. 18, с. 284], дон. *москаль* 'русский' – «Всю ночь не спал он, с *москалями* проиграл» [Миртов, с. 188] и т. п. Устаревшее слово *московиты* 'русские' хоть и встречалось в российском дискурсе, но не было для него характерно; как правило, эта лексема выражала «внешнюю» точку зрения, ср. цитату из романа Ю. Германа «Россия молодая», приведенную при слове *московиты* в [ССРЛЯ, т. 6, с. 1286]: «Экспедиция в Архангельск вызовет войну. Война с московитами дело не столь простое, как это может показаться».

Дериваты от названия столицы России со значением 'русский (житель России)' встречаются во многих языках Евразии – славянских, романских, германских, балтийских, финно-угорских, тюркских и др., ср. болг. *московец*, блр. *москва*, устар. англ. *muscovite*, итал. *moscovita*, тур. *Moskof* и т. п. Отмечены также дериваты изучаемого гнезда со значением 'то, что свойственно русским': польск. *z moskiewska* 'как в Москве, как у русских' – «Ktoś z oficerów tamtej strony ciągle na swoich z moskiewska krzyczał» («Кто-то из офицеров с этой стороны кричал на своих по-русски») [SJPD], итал. *Moscoviteria* 'уничужит., книжн. манеры или поведение, характерные для русских': «Vedendo la maledetta genia soldatesca sedersi sul trono di Pietroborgo... questa fu senza dubbio la ragione che mi fì pur tanto dispregiare quei popoli e sm furiosamente abborrire gli scellerati reggitori. Spiacintami dunque ogni moscoviterra, non volli altrimenti portarmi a Mosca, come avea disegnato di fare» («Видеть, как это чертово солдатское отродье восседает на троне Петербурга... это была одна из причин, которая заставила меня презирать эти народы и яростно ненавидеть мерзких правителей. Так как мне не понравилась вся *московитерия*, он не захотел везти меня в Москву, как планировал раньше») (Альфиери), *Alla moscovita* («по-московски») 'по-русски (например, так, как одеваются или ведут себя русские)': «Quelli <gli studenti russi> discutevano prodigalmente e senza fine, alla moscovita» («Те <русские студенты> спорили жарко и бесконечно, "по-московски"») (Бакелли) [Battaglia, vol. 10, p. 992].

Особо следует упомянуть такое «внешнее» обозначение жителя России, как «москаль» (рус., укр. *москаль*, блр. *маскаль*, болг. *москал*, польск., чеш. *moskal*, румын. *muscal* и др.), которое распространено в ряде европейских языков, а в первую очередь – на территории Украины и Белоруссии. Чаще всего эти лексические единицы обладают ярко выраженной негативной коннотацией, ср. словарные дефиниции, пометы и контексты: рус. устар. *москали* 'пренебр. прозвище русских на Украине и в Белоруссии' [Шведова, с. 56], алт. *москаль* 'прозвище русских' – «Русских хохлы еще называют москалями, кацапами» [СРГА, т. 3/1, с. 89], оренб. *москали* 'русские люди; так дразнили (прозывали) русских казаков украинские переселенцы' – «Эх, нам не повезло, пришлось с москалями вместе жить. К сожалению, я должен, наконец, тебе сказать о ненависти их (малороссиян) к великороссиянам. Ты легко можешь здесь в этом удостовериться, ибо часто услышишь их говорящих: "Добрый человек, да москаль". Они переливают чувство сие в самых малюток и пугают их *москалями*. При сём имени утрашенное дитя перестает кричать» (Левшин) [ООС, с. 97], польск. *moskal* 'оценочно неодобрительно о русском' [SJPD], чеш. *moskal* 'нейопам. великорусс' [PSJČ, d. 2, s. 950], болг. устар. *москал* 'русский, шовинистическое название русских и военных в дореволюционной Украине, Белоруссии и Польше' [БЕР, т. 4, с. 253].

Этимологи указывают на происхождение рус. *москаль* (впервые встречающегося в XVIII в.) из польск. *moskal* через укр.-бел. посред-

ство и приводят первоначальное значение ‘выходец из Москвы, русский (солдат)’ [Фасмер, т. 2, с. 659; ЭСРЯ, т. 10, с. 321–322]. В польском языке *moskal* ‘житель Москвы; солдат московского царского войска’ отмечается, как минимум, с XVI в. [SP XVI, t. 15, s. 34]. Из польского слово пришло в другие славянские и прочие (в основном восточно-европейские) языки. Сама лексема происходит от названия столицы России и изначально является катойконимом. Возможно, исторически слово имело нейтральную семантику и подчеркивало лишь географическую или государственную принадлежность, но с течением времени начало приобретать негативный оттенок именно на территориях Польши, а затем Белоруссии, Литвы и Украины, которые были присоединены Российской империей и надолго включены в ее состав.

«Москаль» (русский) – взгляд из-за границы. Перейдем к описанию тех занятий, черт характера и поведения, которые приписываются жителю Москвы (русскому) в лексике и фразеологии иностранных языков.

Из типичных занятий русского в первую очередь отмечается военное дело. Соответствующие значения «обслуживаются» в различных языках чаще всего словом «москаль». На основе семантики национальной принадлежности (см. выше) у этого слова развивается более узкое значение ‘русский солдат’, ср. рус. *москаль* ‘солдат, военнослужащий’ [Даль, т. 2, с. 349], устар. простореч. *москали* ‘прозвище русских и солдат в дореволюционной Украине, Белоруссии и в старой Польше’ [ССРЛЯ, т. 6, с. 1284–1285], укр. *москаль* ‘солдат’ – «Оддати Миколу в москали», *москальня* ‘солдаты’ [Гринченко, т. 2, с. 447], блр. червен. *маскаль* ‘солдат’ [КСЧ, с. 155] и др. («военная» модель отражается также в «московских» названиях одежды и оружия, см. далее раздел «Культура»).

«Милитаристское» значение «москаля» служит точкой отсчета для формирования образа русского солдата-агрессора (ср. контексты: рус. «Давно, давно, когда Дунаю Не угрожал еще москаль (Вот видишь, я припоминаю, Алеко, старую печаль), Тогда боялись мы султана» (А. Пушкин «Цыганы»), чеш. «Со rána z karabiny, to padlý Moskal» («Как рана от карабина, так подлый *москаль*») [PSJČ, d. 2, s. 950]), затем русского солдата на постое (рус. *мутит, как москаль* <т. е. солдат> *на селе* [Даль, т. 2, с. 349], укр. *мордується, мовъ москаль на хутори* ‘шумит, бранится’ [Білецький-Носенко, с. 229]) и, наконец, просто русского (обычно с подчеркиванием его негативных сторон).

Гораздо реже фиксируются обозначения мирных профессий, ср. румын. *muscál* ‘извозчик (русского происхождения)’, образованное от *muscál* ‘житель Москвы и России’ [DLR, t. 9, s. 1021]. Чтобы восстановить исторические реалии, стоящие за этим словом, нужны специальные изыскания. Логично предполагать, что извозом в Румынии занимались жители ближних к ней областей России (не Москвы). В то же время московский извозчик – выделенное историко-этнографическое явление, яркое и специфическое (в столице было много

извозчиков, они появились раньше, чем во многих других городах Российской империи, у них были особые привычки, одежда, речь и др., см., например: [Иванов, с. 179–189]).

Черты характера и поведения. «Москаль» (русский) жесток: польск. *dać komu pożałowanie moskiewskie* («выразить московское сожаление») ‘сурово наказать’ [Linde, t. 3, s. 162], тур. *Moskof* ‘деспот’ [Юсипова, с. 408]; обладает солдатскими замашками: укр. *намоскалитися* ‘приобрести солдатские привычки’ – «Він так намоскалився, щ з-під живого п`яти ріже» [Гринченко, т. 2, с. 504]; простоват и наивен: польск. *moskiewska (moskwicina) odpowiedź* ‘наивный, бесхитростный ответ’ [Brückner, s. 344], рус. *москаль* <как> *ворона, а привязчивее чёрта* ‘русские <солдаты?> – простоватые, неловкие и невнимательные люди, но очень навязчивые’ [БСРС, с. 118]. Он представляется также шумным, склочным и драчливым: укр. *росходився, як московський постіл* <лапоть>, *по-московському лаять* ‘материться’ [Номис, с. 186], словац. диал. *moskál* ‘драчун, буян, безобразник’ [SSN, t. 2, s. 191]. Кроме того, русский медлителен и нерасторопен: укр. *московський подожди* ‘об очень длительном промежутке времени’ [Номис, с. 78], *з московську годину ждавъ* («ждать московский час») ‘не дождался’ [Білецький-Носенко, с. 229]; небрежен в работе: укр. простореч. (Львов) *москальске капартство* («московская халтура, беспорядок») ‘сплошной беспорядок, запущенность’ [ЛЛ, с. 345], но при этом излишне придирчив: укр. *пеня московська* ‘беспричинная придирка; человек без причины и сильно придирающийся’ [Гринченко, т. 2, с. 447]. Ведет себя москаль как отпетый мошенник, плут и обманщик: малорос. *москалить* ‘мошенничать, обманывать в торговле’, *Знаєт москаль дорогу, а спрашиваєт* [Даль, т. 2, с. 356], укр. *підпускати (підвозити) москаля* ‘лгать, надувать, обманывать’ [Гринченко, т. 2, с. 447], польск. *Dźwigaj Moskala przez cały dzień na swoim grzbiecie, wieczorem będzie się skarżył, że jest znużony* («Неси весь день москаля на горбе, вечером скажет, что устал») [НКРР, т. 2, s. 525]. Речь москаля кажется невнятной: итал. *Moscovita* ‘непонятный язык или невнятная речь (произношение)’ ← ‘язык, на котором говорят в России’: «Уже две или три недели, как он говорит так же, как и мы все, и никогда трудно, как говорил раньше. – Трудно? – спросила Мария. – Точно! По-русски, – ответила кормилица, думая, что выразилась точнее» (Кантони) [Battaglia, v. 10, s. 992]. Польский язык отмечает обжорство москаля, ср. польск. *moskal* ‘человек, который много ест, обжора’ [SW, t. 2, s. 1046]. Из положительных черт можно отметить только солдатскую стойкость русских, ср. польск. *tak mocno stoi jak moskiewska piechota* («стоит крепко, как московская пехота») [НКРР, т. 2, s. 525].

Москвич глазами жителей России. «Внешнеполитическому» образу москаля (= русского) противостоит образ «внутреннего хождения», рисующий непосредственно жителя столицы. Отметим предварительно, что образ москвича, присутствующий в народном сознании, часто

строится на противопоставлении деревенскому жителю: налицо традиционное соперничество центра и периферии, города и деревни.

Один из ярких признаков москвичей – разговорчивость, умение хорошо и красиво говорить: перм., морд., ср.-урал. *москва* ‘об очень разговорчивом человеке’ – «Дедушко-то ваш так-то много знат, он говорить мастёрый, москва говорить» (ср.-урал.), «Говорить-то он москва, с кем хошь поговорить может; Манинькой у Тани сын, а говорить-то москва» (морд.) [СРНГ, т. 18, с. 284; ДСРГСУ, с. 306; СРГМ, т. 1, с. 544], влг. *как Москва* ‘о бойком, разговорчивом человеке’ – «К Фаине иди, она как Москва, она всё знает, она говорунья, шустрит» [КСГРС], влг. *московец* ‘о человеке, который умеет хорошо, красиво говорить’ [СРНГ, т. 18, с. 285]. Показательны и данные антропонимии: *Москвич* ‘прозвище жителя дер. Нижмозеро Онежск. р-на Архангельск. обл.’ – «Он говорил красно, как москвич», *Московец* ‘прозвище жителя дер. Бестужево Устьянск. р-на Архангельск. обл.’ – «Вышел из армии, стал говорить чище, вот и Московец» [АКТЭ] и др.

Комментируя рус. диал. *москва* ‘об очень разговорчивом человеке’, Е. С. Отин указывает, что эта лексема, возможно, отражает впечатление слушающих от московского городского просторечия [Отин, с. 244]. В связи с этим Е. С. Отин приводит следующий пассаж из статьи В. С. Елистратова: «Много написано об отличии петербургского языка от московского. Помимо всего прочего, можно было бы выделить одну существенную характеристику старомосковской речи: она значительно экспрессивнее и громче звучала, чем петербургская. В Москве была (и, вероятно, остается) огромной роль интонации, тембровых характеристик, модуляций голоса. И кроме того – жеста, соматических средств. Здесь ярче краски, пронзительнее голоса, резче телодвижения, громче смех. Московская речь не только очень эмоциональна, “площадна”, “средневеково-карнавальна” по духу. Она обладает еще одним качеством, о котором необходимо сказать: она чрезвычайно интернациональна по составу. Москва, по крайней мере, в лингвистическом плане была и остается евроазиатским городом» [цит. по: Отин, с. 244].

Московская речь воспринимается народным языковым сознанием как чистая, правильная, культурная, богатая: арх. *москвичка* ‘женщина, умеющая складно, красиво говорить’ – «Москвичка такая, хорошо говорит, всё ладно да по-учёному» [КСГРС]. Думается, представление об «эталонности» столичной речи связано и с традицией регулярно слушания на селе радиостанции «Говорит Москва», которая долгое время оставалась важнейшим источником знаний о «большом мире». Кроме того, собственно фраза «Говорит Москва» нередко предваряла и предваряет передачу наиболее значимых новостей, транслируемых самыми разными радиостанциями. Очевидно, эти обстоятельства нашли прямое отражение в урал. *говорит – Москва!* ‘высшая похвала у казака красноречивому (выше этой похвалы нет, но это похвала не за умение зубоскалить, говорить шутки и т. п., а за серьезный, деловой разговор, для всех убедительный)’ [СРНГ, т. 6, с. 256].

Кроме разговорчивости москвичей, маркируется такая особенность их речи, как «аканье»: костр. *по-московски* ‘о речи, о произношении с «аканьем» (безударные «а» и «о» произносятся как «а»)’ – «Всем надо лучше говорить и все на “а” надо говорить, по-московски» [ЛКТЭ]; ср. также арх. *москвачи* ‘о жителях столицы’ – «Москвачи тут налетают и начинают акать-окать» [КСГРС].

Разговорчивость жителей столицы тесно связана, с одной стороны, с бойкостью, доходящей до плутовства (забайк. *москва* ‘о разговорчивом бойком обманщике, плуте’ [СРНГ, т. 18, с. 284], моск. *намосквѣичиться*, влад. *намосквѣтитесь* ‘перенять манеры и ловкость москвичей’, южн. *намоскалиться* ‘научиться плутовать’ [Там же, т. 20, с. 41]), с другой стороны – с общей культурой, знаниями, умением красиво одеваться и т. п.: арх. *московка* ‘культурная, хорошо говорящая, красиво одетая женщина’ – «Она московка, всё знает, а я ничего не знаю. Московка, говорят, вот идёт: снаредится, выступыват и говорит хорошо. Московка – котора хорошо говорит, много знает, хорошо одевается. Про детей чаще так говорят: “У, какая московка ты у нас”» [КСГРС]; *Москва* ‘прозвище жительницы дер. Чулас Лешуконск. р-на Архангельск. обл.’ – «Дуська Леонидова Москва така, всё знает»; ‘прозвище жительницы дер. Дийково Бабаевск. р-на Вологодск. обл.’ – «Москва была богатой и много знала» [АКТЭ].

Признак высокого благосостояния, прмелькнувший в мотивировке последнего прозвища, отражен и в некоторых других антропонимах Русского Севера: *Московка* ‘прозвище жительницы села Верхняя Тойма Верхнетоемск. р-на Архангельск. обл.’ – «Манька в центре живёт, богатая, вот и зовём Москоўка», *Москвичи* ‘коллективное прозвище жителей дер. Заболотье Верховажск. р-на Вологодск. обл.’ – «Тут такие богатые всё жили» [Там же]. Ср. еще контекст о щеголеватости москвичей: «Плѣмянник моей барыни... воспитанный во вкусѣ Московских щегольков, влюбился в горнишную дѣвку» (А. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву») [СлРЯ XVIII, т. 13, с. 41].

Существует в народном сознании и представление о заносчивости и снобизме столичных жителей: костр. *москвич* ‘тот, кто важничает, ведет себя заносчиво’ – «Заносчивый такой человек, как москвич, ну, москвич такой» [ЛКТЭ], жарг. *москвич* ‘заснавшийся, наглый и глупый заключенный’ [БСЖ, с. 357].

В отличие от селян, москвичи не умеют по-настоящему работать: арх. *москвичка* ‘неженка, любительница «чистой» работы’ – «Нонь все девки москвички, в деревне копать не надь», «Старша Танька у их москвичка така, ничего не нравится ей, всё гребует <брезгует> деревенской жизнью» [КСГРС], влг. *московка* ‘не умеющая работать, манерная женщина’ – «Кланя москоўка така, ничего не умеет, всё жеманится» [Там же], ср. также пословицу: «Москва стоит на болоте, ржи в ней не молотят, а больше (а лучше) деревенского едят» [Даль, т. 1, с. 110].

Что касается бытовых привычек москвичей, то особо отмечается их пристрастие к чаю. Пили в Москве этот напиток много, пили все сословия, ср.: «Кто знает Москву не понаслышке, не по беглой наглядке, тот согласится, что чай – пятая стихия ее жителей» (1849) (И. Т. Кокорев «Чай в Москве»). В языке любовь к чаю отмечается в прозвище москвичей – *московские чаевники* [Муравьев, с. 314].

Продолжением «чайной» темы и одновременно подтверждением многих других мотивационных линий, о которых шла речь в данной рубрике, служит комплекс мотивировок прозвища *Москвичи* (параллельное именование *Чаевые*) ‘жители дер. Веселая Кичменьгско-Городецк. р-на Вологодск. обл.’ – «Без чая на работу не выдут», «Хорошо в деревне жили, на горе, весело им», «Есть нечего, а они нарядные ходят» [АКТЭ].

Культура

Материальная культура. Наиболее обширную группу названий артефактов, имеющих «московскую маркировку», составляют обозначения одежды. При этом, как правило, речь идет об одежде, которая по той или иной причине считается престижной. Нередко такая одежда изготовлена не кустарным способом, а является покупной, фабричной, ср. рус. орл. *московская тётка* (*московская параша*) ‘фабрика по производству и пошиву одежды’ – «Масковскъя тёткъ работгить ни свайми руками, а нъ машинъх, а мы на свайх руках. Эта ш были как пирвабытныи люди, ани сами ткали, пряли, а щчас масковскъя теткъ обрабатывъить усё»; ‘об одежде фабричного производства’ – «Раньшы-тъ усе нъсили суконные, дъматканные, и нъ тибе-тъ щчас масковскъя тётка» [СОГ, т. 6, с. 147].

Большое распространение имели «московские» сарафаны. На разных территориях России их шили по-разному, но чаще всего они были из красной материи (ситцевые или холщовые), широкие и пышные, на лямках, украшались вышивкой или лентами, а главное – считались нарядными, праздничными: вят., горьк., чуваш., морд. *москаль* – «Раньшгь бабы мъскали носили красивы» (морд.) [СРНГ, т. 18, с. 284; СРГМ, т. 1, с. 544; ОСВГ, т. 6, с. 83], морд. *москвич* – «Уш кака красивъ ана была, и масквичъ-тъ нарядный насила» [СРГМ, т. 1, с. 545], вят. *москóвец* – «К Паске и мне московец сошьют» [СРНГ, т. 18, с. 285; ОСВГ, т. 6, с. 83], вят., марийск. морд. *москóвик*: «Мъсковик у меня красивый был уш больнъ» (морд.) [СРНГ, т. 18, с. 285; СРГМ, т. 1, с. 545; ОСВГ, т. 6, с. 83]; чуваш. *москóвич* [СРГЧув, с. 116]; вят. *московка* [ОСВГ, т. 6, с. 83], алт., вят., пск., том. *московник* [СРНГ, т. 18, с. 285; СРГА, т. 3/1, с. 89; ПОС, т. 18, с. 379; ОСВГ, т. 6, с. 83], морд. *московска* (в знач. сущ.) – «Как дефки ф къровот фстанут, фсе красивы, ф хороших москоскъх дъ румяны» [СРГМ, т. 1, с. 545], астрах., костр., нижегор. *московский сарафан* [СРНГ, т. 18, с. 285; ЛКТЭ], твер. *подмосковник* [ТТС, т. 3, с. 18].

Одно из названий такого сарафана заимствовано в мордовский (эрзя) язык: *московка* 'сарафан прямого покроя на лямках, со сборками на кокетке, сшитый из шести полотнищ ткани' [ЭРС, с. 391].

Слова, входящие в изучаемое гнездо, обозначают и теплую верхнюю одежду. Это кафтан (вят. *москвичка* 'мужская долгополая одежда со сборками (кафтан)' [ОСВГ, т. 6, с. 83]), шуба (дон. *московка* 'женская длинная шуба свободного покроя с воротником' – «Маскофку надивали у церкву и у гости» [БТДК, с. 287], тюмен. *москвичка* 'шуба' – «Москвичка на ём была, шуба така мохната, хороша» [СРГЮТО, т. 1, с. 391]), но чаще всего – теплое мужское полупальто или куртка, иногда с меховым воротником: алт., башк., иркут., краснодар., краснояр., морд., орл., перм., ср.-урал., тюмен., яросл. *москвичка* – «Москвичкой звали полупальто тако мужское, шибко модное когда-то было» (перм.), «Москвички вот были. В наше время носили пальто длинное, а она короткая» (алт.), «Куртки модные были – москвички» (краснояр.) [СРНГ, т. 18, с. 284; ЯОС, т. 6, с. 60; СРГА т. 3/1, с. 89; СКГВост, с. 137; СОГ, т. 6, с. 146; СПГ, т. 1, с. 525; СРГБаш; СРГЦК, т. 2, с. 352; СРГМ, т. 1, с. 544; СРГЮТО, т. 1, с. 391], алт. *полумосквичка* [СРГА, т. 3/2, с. 122]. Для непривычных к пальто и курткам крестьян такая одежда была «городской» и модной (например, в Пермском крае пик такой моды приходился на 40-е гг. XX в. [СПГ, т. 1, с. 525]). Носили подобные пальто и в местах заключения, где они тоже высоко котировались: жарг. арест. *москвичка* 'ватное полупальто с косыми карманами и воротником – лагерный шик' [БСЖ, с. 357].

Теплая «московская» одежда была известна и в других странах. На Украине это такое же полупальто, как и в России: укр. ниж.-надднепр. *московка, москочка* 'мужское теплое полупальто с меховым воротником' [Чабаненко, т. 2, с. 293]. У шведов плащи «русского фасона» были известны в XIX в.: устар. *Moscovit* 'пальто, плащ русского фасона, который носили в 1800-е гг.; рукава иногда подбиты мехом, иногда со шнуровкой' [OSS, bd. 17, s. M1413].

Из других названий одежды, функционирующих в русских говорах, стоит упомянуть обозначения мужского пиджака, который тоже считался в деревне «городским» (алт., башк., морд. *москвич* [СРГА, т. 3/1, с. 89; СРГБаш, с. 79; СРГМ, т. 1, с. 545], башк., морд. *москвичка* – «Абычна мужынёк фарсил в мъсквиче», «Масквич'ка – мушской пинжак, шытыт па кул'турнъму, наряднъй, акуратный, фигурный, какетка йес'» (башк.) [СРГБаш; СРГМ, т. 1, с. 545]), широкой нарядной юбки со сборками (морд. *москаль, московик, московска* [СРГМ, т. 1, с. 545]), праздничной женской кофты (влг. *москочка* 'кофта с белым воротником' – «На праздник одевала юбку да москочку» [СВГ, т. 5, с. 5]), нарядной мужской рубахи (нижегор. *московская рубашка* 'нарядная рубашка с коленкоровыми белыми рукавами, манжетами и кружевами' [СРНГ, т. 18, с. 285], пск. *московник* 'старинная верхняя мужская рубаха' [ПОС, т. 18, с. 379]). В буковинских говорах Украины тоже отмечается наименование покупной рубахи с «модной

приметой» – застежкой-молнией: *москвічка* ‘верхняя мужская рубашка с поясом, спереди на «молнии»’ – «Дивиси, файну москвічку я купила?», «У селі у нас дуже модні москвічки» [СБукГ, с. 296].

Среди головных уборов носителям русских говоров известны шляпы, которые тоже нетипичны для крестьянского гардероба: нижегор. *московка* ‘сорт шерстяных шляп’ [СРНГ, т. 18, с. 285]. В украинском языке середины XIX в. отмечено сочетание *московській бриль* («московская шляпа») ‘кивер; офицерская, солдатская шляпа’ [Білецький-Носенко, с. 61–62, 229], появление которого объясняется «военными» ассоциациями Москвы (России), см. подробнее выше, в разделе «Человек». Аналогичное обозначение фиксируется в польском языке: *moskowskie kaszkiety* («московские фуражки») ‘старинный тип фуражки, представленный на военном российском головном уборе, называемом еще «русским»; имел широкий околыш, широкое дно и высокий перед. Для жесткой формы в него вставляли проволоку или пружину’ [Турга, s. 108].

Что касается обуви, то псковские крестьяне носили *московские боты* – ‘резиновые ботинки с высокими голенищами’ – «А посла вайны насили маскофские боты, их фсе как поршни кожаные насили» [ПОС, т. 18, с. 379]. Эта обувь тоже была новой в крестьянском быту и весьма престижной. Московское происхождение приписывалось некоторым видам лаптей: р. Десна *московские лапти* ‘лапти косога плетения; по бокам делается полоса, через которую переплетают лыко; за нее зацепляют оборы’ [СРНГ, т. 18, с. 285], пск. *москаль* ‘вид лаптей из березы без пяток’ – «Пятерные лапти насили и маскали, маскали пляли бес пят» [ПОС, т. 18, с. 377], брян. *москаль* ‘лапоть’ [БрянОС, с. 203].

Наименования тканей ей (а также других близких реалий – тканых узоров, материалов для изготовления обуви и др.) с «московской маркировкой» отсутствуют в русском языке, но отмечаются за его пределами. По всей видимости, в сугубо этнографическом ключе следует понимать укр. *московка*, *московочка* ‘сорт мережки’ [Гринченко, т. 2, с. 447]: речь идет об одном из русских узоров (в отличие от украинских). Белорусы называют «московскими» тонкие и достаточно престижные ткани: *московщина* ‘тонкий холст русского изделия’ – «Московщины набрала на рукавы» [Носович, с. 291], могилев. *маскоўшчына* ‘мадеполам’ – «Тата мне купіў маскоўшчыны на плацьця» [Бялькевіч, с. 260]. Итальянцы, напротив, используют слово *Moscova*, чтобы обозначить ‘вид довольно тяжелой ткани, употребляемой для хранения верхней одежды’ [Battaglia, vol. 10, p. 992]. Для интерпретации последнего названия его можно сопоставить с исп. *rusa* ‘пальто из грубого сукна’ [АВВУУ Lingvo x 5], польск. *sybir* ‘толстая ткань из шерстяного холста с начесом, для зимней одежды’, *syberyna* ‘грубая шерстяная ткань’ – «Szynel, palto z syberynu» [SW, t. 6, s. 532]. В этом случае «московская» = «сибирская» = «русская» ткань – та, из которой делают одежду, пригодную для суровых климатических условий России. Могли сыграть роль и «военные» ассоциации, присущие образу Москвы (России)

в глазах иностранцев: из подобных грубых тканей шьют солдатскую форму (шинели).

Отметим также название выделанной кожи: англ. *Muscovy hide*, *Muscovy leather* («московская кожа») = *Russian leather* ‘юфть, сорт кожи, получаемый особой обработкой шкур крупного рогатого скота, лошадей и свиней’ [OED, vol. 10, p. 119]. Юфть издавна была важной статьёй российского импорта, ср.: «Красная юфть... в значительном количестве вывозится в Западную Европу, где под названием “русской кожи” весьма ценится иностранцами и перерабатывается в разнообразнейшие мелкие изделия: портмоне, портсигары и т. п... В старину наиболее известным русским кожевенным товаром была юфть, которая вывозилась за границу и продавалась кипами» [ЭСБЕ, т. 41, с. 460–461].

К следующей группе обозначений атрибутов материальной культуры, которые отсылают к образу Москвы, относятся названия продуктов питания.

Среди них в первую очередь следует упомянуть наименования водки или напитков, ее включающих. В России и за ее пределами хорошо известны различные собственные имена водок типа рус. *Московская особая*, *Московская*, англ. *Muscovite special vodka* и проч. (ср. также рус. *Столичная*). Есть и несортные наименования, которые формируются либо на основе сортовых, либо независимо от них (отражая представления о московском или российском производстве напитка): рус. новосиб. *московное вино* ‘водка’ [СРНГ, т. 18, с. 285], пск., кокчетав. *московка* ‘название сорта водки’ [Там же; ПОС, т. 18, с. 378], укр. гуцул. *московка* ‘водка «Московская водка» (один из сортов времен Советского Союза)’ [Негрич, с. 116], польск. диал. *moskal* ‘вид старой темной водки’ [Тугра, s. 108]. Ср. также обозначения различных смесей, в состав которых входит водка: рус. жарг. *москвич* ‘смесь из пива и водки’ [ТСРС, с. 225], англ. *Moscow tulle* («московский гибрид») ‘коктейль, включающий в себя водку (например, водка, имбирное пиво и лайм)’ [OED, vol. 9, p. 1110]. Показателен один из комментариев к последнему названию (английскому), в котором говорится о том, что «московский гибрид», кажется, неизвестен в России [Там же]. Таким образом, название не отражает этнографическую реалию, а воплощает стереотипное представление о крепких напитках, которые пьют русские.

Что касается названий других продуктов питания, то они преимущественно «внешние», иноязычные. Из русских диалектных можно упомянуть только одно (называющее не собственно продукт, а способ его приготовления): терск. *московская резня* ‘особая разделка лосося’ [СРНГ, т. 18, с. 285]. *Московский* в данном случае может иметь как узкое значение ‘связанный с Москвой’, так и более широкое – ‘связанный с материковой Россией’ (в противопоставлении побережью Белого моря).

Среди иноязычных названий есть лексические единицы, которые называют поставляемые из России (через Россию) продукты питания:

болг. диал. *московски чай* 'чай, *Thea chinensis*' [БЕР, т. 4, с. 253]. Возникновение этого сочетания объясняется тем, что черный чай (преимущественно китайский) завозился во многие европейские страны сухопутным путем – через Россию (этот путь, в отличие от морского, способствовал лучшей сохранности продукта). Как указывают исторические источники, «транзит» чая был очень выгоден для русских купцов, особенно московских, контролировавших чайную торговлю с конца XVIII в.: к примеру, в 1834 г. через Москву в Польшу было отправлено чая приблизительно на 200 тысяч рублей [Соколов, с. 99]. Во многих европейских языках такой чай назывался «русским» (подробнее см.: [Березович 2012, с. 181–186]).

Другие названия продуктов питания воплощают впечатления о пищевых привычках русских. Так, в польск. диал. *moskal* 'суп из капусты' [Тугра, s. 108], вероятно, запечатлен образ русских щей или борща, а польск. *moskal* 'овсяный блин' [SW, t. 2, s. 1046] отражает, по всей видимости, представление о русских блинах, ср. также укр. *налисники московські* (в источнике указано, что они разводятся на молоке, как украинские *божі онучі*) [Номис, с. 622]. Для польского названия блина можно предполагать дополнительный мотивирующий момент, который создается представлениями о некотором примитивизме и «суровости» русской пищи: как сообщается в одном из польских диалектных словарей (говоры Закопане), блин *moskol* выпекался на воде из муки грубого помола и овсяной мякины, иногда с добавлением ячневой или ржаной муки, иногда с картошкой [SGZO, s. 196]. Очевидно, такие блины могли свидетельствовать о бедности тех, кто их ест, ср. польск. диал. *wesele o jednym moskalu* («свадьба в один москаль <блин>») 'о квартке (¼ литра) воды' [Karłowicz, t. 3, s. 186].

Польская лепешка *moskal* использовалась и как лекарственное средство: *moskal* 'вид пилюли': «Na zastawienie biegunki, moskala ugnieść z mąki pszenicznej z babczanym nasieniem, dać choremu jeść» («Чтобы остановить понос, нужно сделать москаля из пшеничной муки с бобовым семенем и дать больному съесть») [SW, t. 2, s. 1046]. В других источниках указывается, что *moskal* (*moskalik*) употребляли наружно, прикладывали теплым к больному месту вместо пластыря; при этом пекли их с добавлением водки [Linde, t. 2, s. 144; SP XVI, t. 15, s. 34]. Вполне возможно, что мотивировку этого названия в данном случае поддерживает «участие» водки.

Выяснение мотивации нидерл. *Moscovisch gebak* («московское печенье») 'бисквитный торт' [Ваар, р. 665] вызывает некоторые затруднения. В сети Интернет имеются сведения и о других «московских тортах», см., к примеру, *Moscow Torte*¹, в состав которого входят манная крупа, яйца, грецкие орехи, вишня и др. Возможно, есть смысл поставить данные названия в ряд обозначений кондитерских и выпечных изделий с компонентом «русский»: франц. (бельг.) *tartine russe* («русский бутерброд») 'пирожное на бисквитной основе с масляным

¹ См.: <http://tortekolaci.com/en/torte/moscow-slice-torte>.

кремом, которого вдвое больше, чем основы», франц. *gâteau russe* («русский торт») ‘пирожное – тонкое безе и слой крема пралине с орехами и миндалем’, итал. *croccanti alla russa* («русское миндальное печенье») ‘крокеты цилиндрической формы, фаршированные мясом и обжаренные в яйцах’ и др. [Березович, с. 194–195]. В этих случаях «русскими» называются очень сладкие, жирные, пышные, богато украшенные изделия, что соответствует стереотипу обилия, «чрезмерности» и «вычурности», связываемому с Россией [Там же]. Не исключено, что сказанное относится и к «московскому печеню». Нельзя отрицать и возможности конкретной этнографической мотивировки (рецепт торта «российский» по происхождению).

Что касается блр. гродн. *маскалі* ‘сладкие пряники’ – «На Пятро пад цэрквай будуць прадаваць маскалі» [СРЛГ, с. 72], то здесь, вероятно, отражены мотивирующие признаки, сходные с теми, которые положены в основу многих наименований одежды: «привозимое из большого города», «дорогое», «праздничное» и т. п.

«Московские» обозначения традиционных орудий, инструментов и утвари тоже даны извне и имеют этнографическую мотивацию («сделанный в России или подобный тому, как делается в России»): блр. могилев. *маскоўка* ‘топор (русского образца)’ [Бялькевіч, с. 260], польск. диал. *moskiewka* ‘соха для пахоты одним конем в борозде’, *moskal* ‘вид кухонной печи’ [Тугра, s. 108].

Как показывает предшествующее изложение, не случайно появление «московских» наименований оружия: серб. *мо̀ско̀вка* ‘вид оружия (русская винтовка, заряжающаяся пятью патронами)’ [РСХКН], кн. 13, с. 79], ср. также укр. *московський патрон* [Номис, с. 409].

Говоря о продукции, которая называлась «московской», нельзя не упомянуть о калиевой слюде. Она издавна добывалась в России. В русском языке XVIII в. для обозначения слюды использовалось терминологическое сочетание *московское стекло*: «Таковой Гипс много сходствует на Талк, называемой Стекло Мариино или Стекло Московское, то есть Слюдву» [СлРЯ XVIII, т. 13, с. 41]. В более поздних отечественных лексикографических источниках оно, кажется, не отмечено. При этом названия слюды с внутренней формой «московское стекло» широко распространены во многих языках мира и отмечены как историческими, так и синхронными словарями: польск. *szkło moskiewskie*, англ. *Muscovy glass*, нидерл. *Moscovisch glass*, франц. *verre de Moscovie*, тур. *moskof camı* и т. п. Параллельно им в международной минералогической терминологии представлено еще одно «московское» название слюды (точнее, одного из минералов группы слюд) – *мусковит* (англ. *muscovite*, от *Muscovy* ‘Московия, старинное название России’). В русском языке это название не имеет прозрачной внутренней формы; в иностранных языках мотивированность тоже стирается, поскольку производящее слово является устаревшим. Слюда составляла важнейший предмет экспорта. Она употреблялась вместо стекол, находила широкое применение в светильниках

(ср. англ. *Muscovy lantern* 'фонарь, в отделке которого использовано «московское стекло»' [OED, vol. 10, p. 119]), для украшения внутреннего пространства и отделки храмов, при создании икон и др. Ср. также наименования близких веществ, которые имели промышленное применение: рус. (XVIII в.) *московская глина*: «Камень Нефритический и бѣлая Московская глина разтопляются вмѣстѣ при сильном огнѣ в темносѣрое стекло» [СлРЯ XVIII, т. 13, с. 41], тур. *moskof toprađi* («московская земля») 'песчаник (для чистки металлических предметов)' [Юсипова, с. 408].

Приведем также «московские» названия веществ, мотивация которых пока нам не ясна. Возможно, речь тоже идет о производимых в России товарах: польск. *kwas moskiewski* («московская кислота») 'раствор селитряной кислоты', *krople moskiewskie* («московские капли») 'настойка хинидина' [SW, t. 2, s. 1047]. Можно предложить и такую версию относительно происхождения этих сочетаний. В русском языке фиксируется слово *москатель* 'некоторые химические вещества (краски, клей, масла и т. д.) как предмет торговли', которое отмечено также в украинском и белорусском языках [ЭСРЯ, т. 10, с. 322]. По одной из этимологических версий, кажущейся наиболее достоверной, слово *москатель* следует связывать с ср.-греч. *μύσκος*, др.-греч. *μύσχος* 'мускус', откуда и рус. *мускус* [Там же, с. 323]. Возможно, фонетическая близость слов вроде *москаль* и *москатель* послужила поводом для народно-этимологических сближений («*москатель* – то, что производится *москалями*»). Пока не ясно, в каком языке могло произойти такое сближение (в украинском, с которым особенно активно взаимодействовал польский?).

Из названий позднейших объектов экспорта наиболее устойчиво фиксируются обозначения автомобиля «москвич». Они известны как русским говорам (пск. *москвичка* 'машина марки москвич' [ПОС, т. 18, с. 378]), так и иностранным языкам – главным образом языкам стран бывшего социалистического содружества: болг. *москвич*, словен. *moskvič*, укр. простореч., жарг. *москаль* [ЛЛ, с. 460; Ставицька, с. 222] и т. п.

Духовная культура. К этой сфере относятся немногочисленные и разнородные языковые факты.

Среди них есть лексические единицы, характеризующие веру (религию). В украинском языке встречается *московська віра* в значении 'греческая вера (*graeca fides*)' [Номис, с. 696]. Очевидно, речь идет о православии, которое представляется носителям языка «гарантом» добропорядочности, ср. переносное значение этого же словосочетания 'добросовестность'. Отметим еще, что *москалями* называли и старообрядцев, ср. смол., зап.-брян. *москаль* 'русский-старообрядец' [СРНГ, т. 18, с. 284].

В русских диалектах фиксируются наименования игр и игровых предметов. Псковское сочетание *московская лапта* 'разновидность игры в лапту' [ПОС, т. 18, с. 379] отражает, по всей видимости, территориальные особенности игры (см. также пск. *ленинградская лапта*

[ПОС, т. 18, с. 379]). Симбирское *московка* ‘змеярка, ладейка, бумажный змей (детская игрушка, приправленный к лучинкам лист бумаги, пускаемый по ветру на возжице, с привешенным к нему хвостом, с трещоткой и пр.)’ [Даль, т. 2, с. 349; т. 1, с. 686], вероятно, связано с традицией запускать таких змеев во время ярмарок, гуляний и проч., которые проводились в Москве (дополнительным мотивирующим фактором может быть цветастый «наряд» змея, что соответствует ассоциациям «праздничности», «нарядности», связанным с Москвой).

Наконец, укажем на наименование музыкального инструмента: укр. сочетание *московська волинка* обозначает русскую волынку (украинская волынка называлась *дуда* или *коза*) [Номис, с. 327].

Политика и экономика

Государство. Москва является не только столицей самой большой по территории страны в мире, но и символом государства – политической, экономической и культурной формы организации общества, называемого Россией (Российской империей, СССР и др.). Выше уже говорилось, что имя столицы и производные от него использовались как название России. Иногда элементы изучаемого деривационно-фразеологического гнезда отражают старое название России (Московского государства): так, к примеру, устар. англ. *Muscovia* [OED, vol. 10, p. 119], серб. *Московија* [РСХКН], кн.13, с. 79] etc. передают лат. *Moscovia*, старинное обозначение России, которое было распространено в Средние века в Западной Европе; в других случаях отсылка к Москве носит «неофициальный» характер (не опосредована названием государства), ср. укр. *Московицина* ‘Великороссия’ [Гринченко, т. 2, с. 447], польск. *Moskwa* ‘государство Российской’, ‘русские’ – «Wszystkie te obszerne kraie, które się zamykają pod powszechnym Moskwy imieniem, na Moskwę Europejską i Azyatycką dzielą się» («Все территории, называемые Москвой, делятся на Европейскую и Азиатскую Москву») [Linde, t. 2, s. 144] и др. Метонимические обозначения такого рода следует считать скорее «внешнеполитическими», характерными для языков ближайших и дальнейших географических соседей России. Впрочем, внутри страны слова, производные от названия столицы, тоже употреблялись по отношению к жителям Московского государства в целом, ср., к примеру, в русском языке XVIII в.: *москва, москвичи* ‘жители Московского государства, русские’ – «В биршене 2400 члк москвы стали в замкѣ», «Полковник шлипенбах, крѣпость нотенбург... москвичам... здати принужден был» [СлРЯ XVIII, т. 13, с. 41].

В современном русском литературном языке фиксируется *Москва* в значении ‘центральные ведомства, министерства союзного значения; столичные власти’ [Отин, с. 243], ср. контексты типа: «Москва решила уничтожить Новороссию»; «Москва не хочет “голубых касок” на Украине» и др. Отметим также, что подобная модель именования

государства (и его властных структур) через столицу вообще достаточно широко распространена в СМИ: «Киев объявил о завершении операции», «Вашингтон молчит» и проч.

Знаки отличия, деньги и меры. «Московская» маркировка представлена и в названиях различных символов политико-экономической жизни общества: знаков отличия, денег, мер.

Говоря о знаках отличия, следует упомянуть название медали: рус. *московка* ‘медаль, которую жаловали цари’ [Даль, т. 2, с. 349].

Национальной денежной единицей Московского государства долгое время оставалась *московка*, или *московская деньга* ‘название денежной единицы и монеты (0,34 г серебра) (с середины XV в. равной ½ новгородской деньги, в XVI–XVIII вв. – ½ копейки), ставшей после унификации русской монетной системы (с середины XVI в.) основной денежной единицей в Русском (Московском) государстве’ [СлРЯ XI–XVII, т. 9, с. 270–271]. От нее отсчитывались другие единицы: *московские деньги*, *московское серебро* ‘монеты московской чеканки разного достоинства’. Например, *московский алтынъ* равен 6 *московкам*; *московская гривна* – 20 *московкам*; *московский рубль* – 200 *московкам* [Там же, с. 271]. Название монеты определялось местом чеканки и хождения, ср. также пск. *деньга московская* ‘монета местной чеканки’ – «А давали тѣ рыбные ловцы архиепископу Ноугороцкому 65 метей... да по 2 денги московскихъ» [ПОС, т. 9, с. 30], *московка* ‘название денежной единицы и монеты (0,34 г серебра) по месту чеканки и хождения’ [Там же, т. 18, с. 378–379], блр. истор. *деньги московские* ‘монеты московской чеканки разного достоинства’ [ГСБМ, т. 18, с. 168]. *Московка* возникла в противовес *псковке* и *новгородке*, которые ходили в Русском государстве до усиления его централизации и унификации региональной монетной чеканки, которая была осуществлена в 1534 г. Еленой Глинской. Слово *московка* употреблялось для обозначения не только денежной меры, но и весовой, ср. рус. твер. *московка* ‘мера, мерка, маленка, пудовка, четверик’ [Даль, т. 2, с. 349], ‘хлебная мера’ [СРНГ, т. 18, с. 285]; *московка* ‘название мер сыпучих веществ московского образца’ [СлРЯ XI–XVII, т. 9, с. 271].

Итак, внимание авторов было сосредоточено на комплексе языковых фактов, зафиксированных в русском и иностранных (преимущественно славянских) языках и составляющих деривационно-фразеологическое гнездо «Москва». Выделены основные смысловые линии, проявленные в этом гнезде, а также особенности языкового образа столицы и ее жителей, представленного в наивном сознании носителя языка. В настоящей статье, завершающей цикл публикаций на данную тему, рассматривались те слова и выражения, которые связаны с социальной, культурной и политической составляющими образа столицы.

Чрезвычайно важной для описания языкового образа Москвы оказывается характеристика ее **жителя** (раздел «Человек»), которая дается и с внутрироссийских, и с внешних позиций. В первом случае воссоздается портрет собственно москвича (глазами жителей провинции), во втором – россиянина. Основная лексема, семантико-деривационные ресурсы которой позволяют «написать» внешний портрет, – экспрессивное слово «москаль», которое распространено в целом ряде европейских языков. На основе «национального» значения ('русский') у этого слова появляется более узкое значение 'русский солдат'. «Военные» ассоциации «москаля» служат точкой отсчета для формирования образа русского агрессора, затем русского солдата на постое и, наконец, просто русского, обычно с подчеркиванием его отрицательных качеств. «Москаль» жесток, обладает солдатскими замашками, простоват и наивен. При этом он представляется шумным, склочным и драчливым. Кроме того, русский медлителен, нерасторопен и небрежен в работе. Ведет себя москаль как отпетый мошенник, плут и обманщик. Речь его кажется невнятной.

Во внутреннем языковом пространстве России функционирует образ жителя столицы, созданный преимущественно с позиций провинциала. Москвич любит поговорить, и его разговорчивость тесно связана, с одной стороны, с бойкостью, доходящей до плутовства, с другой стороны – с общей культурой, знаниями, умением красиво одеваться и т. п. По мнению русских крестьян, москвичи богаты, заносчивы и не умеют по-настоящему работать. Из их бытовых привычек особо отмечается пристрастие к чаю.

Характеризуя языковую «рецепцию» **материальной культуры** Москвы, отметим, что количество артефактов и бытовых сфер, отраженных в «московских» номинациях, достаточно ограничено: одежда (преимущественно верхняя); пища (спиртные напитки и выпечка), оружие и инструменты. Взгляд на московское «культурное наследие» преимущественно внешний: в большинстве обозначений просматриваются мотивировки «сделанный в России», «сделанный на русский манер», «пригодный для использования в России» (англ. *Muscovy hide* 'юфть', франц. *verre de Moscovie* 'калиевая слюда', блр. *маскоўка* 'топор русского образца', швед. *Moscovit* 'пальто, плащ русского фасона' и т. д.). Отмечены и такие слова, которые не запечатлевают непосредственно этнографические реалии, но отражают стереотипные представления о русском и России, ср. итал. *Moscova* 'вид тяжелой ткани', значение которого навеяно, очевидно, «военными» ассоциациями. Внутрироссийские названия, содержащие «московскую маркировку», содержат указание на место производства того или иного изделия (пск., кокчетав. *московка* 'название сорта водки'), а также его оценку, включающую признаки «качественное», «дорогое», «праздничное», «привозимое из большого города», «фабричное» (нижегор. *московская рубашка* 'нарядная рубашка с коленкоровыми белыми рукавами, манжетами и кружевами').

На периферии народного сознания оказываются представления о Москве как символе государства. **Политическая** составляющая образа столицы просматривается в основном в иноязычных метонимических обозначениях России, а также в лексеме *Москва* в значении 'центральные ведомства, министерства союзного значения; столичные власти', представленной в русском литературном языке. «Московская маркировка» фигурирует также в обозначениях национальной валюты, знаков отличия, мер и весов. В целом же язык (особенно народные говоры) рассматривает Москву скорее не как политико-экономический центр, а как средоточие социально-культурной жизни.

Языковые данные демонстрируют многогранность оценочного отношения к Москве, свойственного носителям разных языков. Для языкового сознания русских (и в ряде случаев для сознания их ближайших соседей) Москва нередко служит источником положительных эмоций («московскими» называются праздничные пряники, нарядные сарафаны, красивый воздушный змей и т. п.). В то же время житель Москвы, как было показано выше, оценивается русским языковым сознанием амбивалентно; наряду с положительными чертами в его портрете присутствуют отрицательные (снобизм, неумение работать). Но если здесь заметны лишь отдельные негативные штрихи, то внешний портрет «москаля» (русского) практически полностью окрашен в темные тона. Важно отметить, что оценка проявлена не только в экспрессивных обозначениях человека, но и в наименованиях продуктов питания (а также, как было показано в [Березович, Кривошапова], обозначениях насекомых, грибов и др.), созданных по законам ксенономинии и воплощающих признаки «примитивный», «дикий», «некачественный» и т. п.

В формировании изучаемого образа участвуют не только когнитивно-прагматические факторы, но и собственно языковые. Среди них, к примеру, семантическая диффузность вершинного слова: *Москва* иногда трактуется как Европейская Россия; в иностранных языках «московское» может приравниваться не только к «русскому», но и к «сибирскому», «азиатскому» [Там же, с. 177]. Можно говорить и о проявлении фактора паронимической аттракции: к примеру, элементы изучаемого гнезда иногда «притягиваются» к продолжениям др.-греч. *μόσχος* 'мускус'.

Данная статья никак не исчерпывает заявленной темы. Привлечение данных других языков и языковых идиомов может существенно обогатить складывающуюся картину.

Список литературы

АКТЭ – Антропонимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

БЕР – Български етимологичен речник. София, 1971 – . Т. 1 – .

Березович Е. Л. Русская пища в зеркале иностранных языков (на материале производных от слов «русский», «Россия») // Антропологический форум. 2012. № 17. С. 173–197.

Березович Е. Л., Кривошапова Ю. А. Образ Москвы в зеркале русского и иностранных языков. «География» Москвы // Quaestio Rossica. 2014. № 3. С. 159–184.

Білецький-Носенко П. Словник української мови. Київ : Наукова думка, 1966. [Пам'ятки української мови].

БрянОС – Брянский областной словарь / отв. ред. Н. И. Курганская. Брянск : Брянск. гос. ун-т, 2011.

БСЖ – *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русского жаргона СПб., 2000.

БСРС – *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских народных сравнений. М., 2008.

БТДК – Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.

Бялькевич І. К. Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970.

Гринченко – Словарь украинского языка / сост. Б. Гринченко. Киев, 1907–1909. Т. 1–4.

ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы / гал. рэд. А.І. Жураўскі. Мінск: Навука і тэхніка, 1982 – . Т. 1– .

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб. ; М., 1880–1882 (1989). Т. 1–4.

ДСРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 1996.

Иванов Е. П. Меткое московское слово: Быт и речь старой Москвы. М. : Московский рабочий, 1982.

КСГРС – Картоoteca Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

КСЧ – Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны. Менск, 1929.

ЛКТЭ – Лексическая картоoteca Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

ЛЛ – *Хобзей Н., Сімович К., Ястремська Т., Дидик-Меуш Г.* Лексикон львівський поважно і на жарг. Львів, 2009.

Миртов А. В. Донской словарь: Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов н/Д., 1929.

Муравьев В. Б. История Москвы в пословицах и поговорках. М. : Алгоритм, 2007.

Незрич М. Скарбы гуцульського говору: Березові. Львів, 2008.

Номис – Українські приказки, прислів'я і таке інше / Укл. М. Номис. Київ, 1993.

Носович И. И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.

ООС – *Моисеев Б. А.* Оренбургский областной словарь. Оренбург : Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2010.

ОСВГ – Областной словарь вятских говоров. Киров, 1996– . Вып. 1– .

Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. Донецк : Юго-Восток, 2004.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967– . Вып. 1 – .

РСХКНЈ – Речник српскохрватског книжевног и народног језика. Београд, 1959. Књ. 1– .

СБукГ – Словник буковинських говірок. Чернівці: Рута, 2005.

СВГ – Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983–2007. Вып. 1–12.

СКГВост – Словарь кубанских говоров: Краснодарский край: восточный регион. Армавир : РИЦ АГПУ, 2009.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975– . Вып. 1– .

СлРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Л., 1984– . Вып. 1– .

СОГ – Словарь орловских говоров. Ярославль, 1989–1991. Вып. 1–4; Орел, 1992– . Вып. 5– .

Соколов И. А. Чай и чайная торговля в России: 1790–1919 гг. М., 2012.

СПГ – Словарь пермских говоров. Пермь, 2000–2002. Вып. 1–2.

СРГА – Словарь русских говоров Алтая. Барнаул, 1993–1998. Т. 1–4.

СРГБаш – Словарь русских говоров Башкирии: А–Я. Уфа, 2008.

СРГМ – Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. СПб., 2013. Ч. 1–2.

- СРГЦК – Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края. Красноярск, 2003–2010. Т. 1–5.
- СРГЧув – Колесникова С. В., Корнилов Г. Е., Лотря Л. В. Словарь русских говоров Чувашской Республики. Чебоксары : Чуваш. гос. ун-т, 2003.
- СРГЮГО – Словарь русских старожильческих говоров юга Тюменской области. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2014. Т. 1–2.
- СРЛГ – Слоўнік рэгіянальнай лексікі Гродзеншчыны. Гродно, 1999.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. М. ; Л., 1965 – . Вып. 1– .
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. М. ; Л., 1948–1965. Т. 1–17.
- Ставицька Л. Український жаргон: Словник. Київ, 2005.
- ТТС – Тематический словарь говоров Тверской области: в 5 вып. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2003–2006.
- ТСРС – Елистратов В. С. Толковый словарь русского сленга. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. 1–4.
- Чабаненко В. А. Словник говірок Нижньої Наддніпрящини. Запоріжжя, 1992. Т. 1–4.
- Шведова – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007.
- ЭСР – Серебrenников Б. А., Бузакова Р. Н., Мосин М. В. Эрзянско-русский словарь. М. : Рус. яз. : Дигора, 1993.
- ЭСБЕ – Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1890–1907. Т. 1–16.
- ЭСРЯ – Этимологический словарь русского языка / под ред. и рук. Н. М. Шанского. М., 1963– . Т. 1– .
- Юсупова Р. П. Турецко-русский словарь. М. : Русский язык медиа, 2005.
- ЯОС – Ярославский областной словарь. Ярославль, 1981–1991. Вып. 1–10.
- АВВУ Lingvo x 5: двадцать языков [Электронный словарь]. URL: www.lingvo.ru.
- Baar A. H. van den. Nederlands-Russisch woordenboek. Deventer-Antwerpen : Kluwer, 1989.
- Battaglia S. Grande dizionario della lingua italiana. Torino, 1961–2002. Vol. 1–21.
- Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957.
- DLR – Dicționarul limbii Române. T. 9. București: Editura Academiei Române, 2010.
- Karłowicz J. Słownik gwar polskich. Kraków, 1900–1911. T. 1–6.
- Linde S. Słownik języka polskiego. T. 1–6. Warszawa, 1807–1814.
- NKPP – Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. W oparciu o dzieło S. Adalberga / red. J. Krzyżanowski, S. Świrko. Warszawa, 1969–1978. T. 1–4.
- OED – The Oxford English Dictionary. Oxford, 1989. 2 ed. Vol. 1–20.
- OSS – Ordbok over svenska språket / Utgiven an Svenska Akademien. Lund, 1945. Bd. 17.
- PSJČ – Příruční slovník jazyka českého. Praha, 1935–1957. D. 1–8.
- SGZO – Zborowski J. Słownik gwary Zakopanego i okolic. Zakopane-Kraków : Wydawnictwo Naukowe DWN, 2009.
- SJPD – Słownik języka polskiego / red. W. Doroszewski. Warszawa, 1958–1969. T. 1–11.
- SP XVI – Słownik polszczyzny XVI wieku. Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk ; Łódź, 1949– . T. 1– .
- SSN – Slovník slovenských nářečí. Bratislava, 1994– . T. 1– .
- SW – Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W. Słownik języka polskiego. Warszawa, 1900–1927. T. 1–8.
- Tyrpa A. Cudzoziemcy i obce kraje w dialektach polskich. Kraków, 2011.

References

АВВУ Lingvo x 5. Retrieved from: www.lingvo.ru.

Antroponimicheskaya kartoteka toponimicheskoy e'kspedicii Ural'skogo federal'nogo universiteta (kafedra russkogo yazy'ka i obshhego yazy'koznanija UrFU, Ekaterinburg) [Anthroponymic card-index of toponymic expedition of Ural Federal University (chair of the Russian language and General linguistics, Ekaterinburg)].

- Baar, A. H. van den. (1989). *Nederlands-Russisch woordenboek*. Deventer-Antwerpen: Kluwer.
- Battaglia, S. (1961–2002). *Grande dizionario della lingua italiana*. (Vols. 1–21). Torino.
- Berezovich, E. L. (2012). Russkaya pishha v zerkale inostranny'h yazy'kov (na materiale proizvodny'h ot slov "russkij", "Rossiya") [Russian food in foreign languages (on the examples of derivatives from "Russian", "Russia")]. *Antropologicheskij forum*, 17, 173–197.
- Berezovich, E. L. & Krivoschapova Yu. A. (2014). Obraz Moskvy' v zerkale russkogo i inostranny'h yazy'kov [The Image of Moscow in the Mirror of Russian and Foreign Languages. Moscow's *Geography*], *Quaestio Rossica*, 3, 159–184.
- Bileczkij-Nosenko, P. (1966). *Slovník ukrajns'koj movi* [Dictionary of the Ukrainian language]. Kiev: Naukova dumka.
- Bol'shoj tolkovyj slovar' dons'kogo kazachestva* [Great explanatory dictionary of Don Cossacks]. (2003). Moscow.
- Brokgauz, F. A. & Efron, I. A. (Eds.). (1890–1907). *E'nciklopedicheskij slovar'* [Encyclopedic dictionary]. (Vols. 1–16). Saint Petersburg.
- Brükner, A. (1957). *Slovník etymologiczny języka polskiego*. Warszawa.
- Byal'kevich, I. K. (1970). *Krayovy' slounik ushodnyaj Magilyoushchy'ny'* [Dictionary of East Mogilev region]. Minsk.
- B'lgarski etimologičen rechnik* [Bulgarian etymology dictionary]. (1971). (Vol. 1). Sofia.
- Chabanenko, V. A. (1992). *Slovník govirok Nizhnyoj Naddniprojanshchiny* [Dictionary of the Lower Dnieper Ukraine dialects]. (Vols. 1–4). Zaporizhia.
- Dal', V. I. (1880–1882 (1989)). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazy'ka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. (2nd ed.). (Vols. 1–4). St. Petersburg; Moscow.
- Dicționarul limbii Române*. (2010). (Vol. 9). București: Editura Academiei Române.
- Doroszewski, W. (Ed.). (1958–1969). *Slovník języka polskiego*. (Vols. 1–11). Warszawa.
- Elištrátov, V. S. (2007). *Tolkovyj slovar' russkogo slenga* [Explanatory dictionary of Russian slang]. Moscow: AST-Press Kniga.
- Fasmer, M. (1964–1973). *E'timologicheskij slovar' russkogo yazy'ka* [Etymological dictionary of the Russian language]. (Vols. 1–4). Moscow.
- Grinchenko, B. (Comp.). (1907–1909). *Slovar' ukrainskogo yazy'ka* [Dictionary of the Ukrainian language]. (Vols. 1–4). Kiev.
- Hobzej, N., Simovich, K., Yastremska, T. & Didyk-Meush, G. (2009). *Leksikon l'vivskij: povazhno i na zhart* [Lexicon of Lvov: official and unofficial]. Lvov.
- Ivanov, E. P. (1982). *Metkoe moskovskoe slovo: By't i rech' staroj Moskvy'* [The choice word of Moscow: life and speech of old Moscow]. Moscow: Moskovskij rabochij.
- Karłowicz, J. (1900–1911). *Slovník gwar polskich*. (Vols. 1–6). Kraków.
- Karłowicz, J., Kryński, A. & Niedźwiedzki, W. (1900–1927). *Slovník języka polskiego*. (Vols. 1–8). Warszawa.
- Kartoteka slovarya govorov russkogo severa (kafedra russkogo yazy'ka i obshhego yazy'koznaniya UrFU, Ekaterinburg)* [Card-index of the dictionary of the dialects of Russian north (chair of the Russian language and General linguistics of Ural Federal University, Ekaterinburg)].
- Kolesnikova, S. V., Kornilov, G. E. & Lotrya, L. V. (2003). *Slovar' russkih govorov Chuvashskoj Respubliki* [Dictionary of the Russian dialects of the Chuvash Republic]. (1993–1998). Cheboksary.
- Krayovy' slounik ushodnyaj Chervenshchy'ny'* [Dictionary of Cherven region]. (1929). Minsk.
- Krzyżanowski, J. & Świrko, S. (Eds.). (1969–1978). *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. W oparciu o dzieło S. Adalberga*. (Vols. 1–4). Warszawa.
- Kurganskaya, N. I. (Ed.). (2011). *Bryanskij oblastnoj slovar'* [Bryansk regional dictionary]. Bryansk.
- Leksicheskaya kartoteka toponimicheskoy e'kspedicii Ural'skogo universiteta (kafedra russkogo yazy'ka i obshhego yazy'koznaniya UrFU, Ekaterinburg)* [Lexical card-index of toponymic expedition of Ural University (chair of the Russian language and General linguistics of Ural Federal University, Ekaterinburg)].
- Linde, S. (1807–1814). *Slovník języka polskiego*. (Vols. 1–6). Warszawa.

- Matveev, A. K. (Ed.). (1996). *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala. Dopolneniya* [Dictionary of the Russian dialects of the Middle Urals. Additions]. Ekaterinburg.
- Mirtov, A. V. (1929). *Donskoj slovar': Materialy' k izucheniyu leksiki donskih kazakov* [Dictionary of Don Cossacks: Materials for the study of vocabulary of the Don Cossacks]. Rostov-on-Don.
- Moiseev, B. A. (2010). *Orenburgskij oblastnoj slovar'* [Orenburg regional dictionary]. Orenburg.
- Mokienko, V. M. & Nikitina, T. G. (2000). *Bol'shoj slovar' russkogo zhargona* [Great dictionary of Russian jargon]. Saint Petersburg.
- Mokienko, V. M. & Nikitina, T. G. (2008). *Bol'shoj slovar' russkikh narodny'h sravnenij*. [Great dictionary of Russian proverbs]. Moscow.
- Murav'ev, V. B. (2007). *Istoriya Moskvyy' v posloviczah i pogovorkah* [History of Moscow in proverbs and sayings]. Moscow: Algoritm.
- Negrich, M. (2008). *Skarby' guczul'skogo govoru* [Hutsul dialect treasures]. Lvov.
- Nomis, M. (Comp.). (1993). *Ukrainski prikazki, prisliv'ya i take inshe* [Ukrainian sayings, proverbs and so on]. Kiev.
- Nosovich, I. I. (1870). *Slovar' belorusskogo narechiya* [Dictionary of the Belarusian dialect]. Saint Petersburg.
- Oblastnoj slovar' vyatskikh govorov* [Vyatka regional dialects dictionary]. (1996). (Vol. 1). Kirov.
- Ordbok over svenska språket*. (1945). (Vol. 17). Lund: Utgiven an Svenska Akademien.
- Otin, E. S. (2004). *Slovar' konnotativny'h sobstvenny'h imen* [Dictionary of connotative proper nouns]. Donetsk: Yugo-Vostok.
- Příruční slovník jazyka českého*. (1935–1957). (Vols. 1–8). Praha.
- Pskovskij oblastnoj slovar' s istoričeskimi dannymi* [Pskov regional dictionary with historical data]. (1967). (Iss. 1). Leningrad.
- Rečnik srpskohrvatskog kniževnog i narodnog jezika* [Dictionary of the Serbo-Croatian literary and popular language]. (1959). (Vol. 1). Belgrade.
- Serebrennikov, B. A., Buzakova, R. N. & Mosin, M. V. (1993). *E'rzyansko-russkij slovar'* [Erzya-Russian dictionary]. Moscow.
- Shanskij, N. M. (Ed.). (1963). *E'timologičeskij slovar' russkogo yazy'ka* [Etymological dictionary of the Russian language]. (Vol. 1). Moscow.
- Shvedova, N. Yu. (Ed.). (2007). *Tolkovy'j slovar' russkogo yazy'ka s vlyucheniem svedenij o proishozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language with information about the origin of words]. Moscow.
- Slounik regijanal'naj leksiki Grodzenshchy'ny'* [Dictionary of Grodno region vocabulary]. (1999). Grodno.
- Slovar' kubanskih govorov: Krasnodarskij kraj: vostochnyj region* [Dictionary of the Kuban' dialects: East region of Krasnodar Krai]. (2009). Armavir.
- Slovar' orlovskih govorov* [Dictionary of the Orel dialects]. (1989–1991; 1992). (Iss. 1–4; Iss. 5). Yaroslavl; Orel.
- Slovar' permskikh govorov* [Dictionary of the Perm dialects]. (2000–2002). (Iss. 1–2). Perm.
- Slovar' russkikh govorov Altaya* [Dictionary of the Russian dialects of Altai]. (1993–1998). (Vols. 1–4). Barnaul.
- Slovar' russkikh govorov Bashkirii* [Dictionary of the Russian dialects of Bashkiria]. (2008). Ufa.
- Slovar' russkikh govorov na territorii Respubliki Mordoviya* [Dictionary of the Russian dialects on the territory of the Republic of Mordovia]. (2013). (Part 1–2). Saint Petersburg.
- Slovar' russkikh govorov central'ny'h rajonov Krasnoyarskogo kraja* [Dictionary of Russian dialects of the central regions of the Krasnoyarsk Krai]. (2003–2010). (Vols. 1–5). Krasnoyarsk.
- Slovar' russkikh narodny'h govorov* [Dictionary of the Russian popular dialects]. (1965). (Iss. 1). Moscow; Leningrad.
- Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov yuga Tyumenskoj oblasti* [Dictionary of the Russian dialects of south of Tyumen region]. (2014). (Vols. 1–2). Tyumen.
- Slovar' russkogo yazy'ka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. (1975). (Iss. 1). Moscow.
- Slovar' russkogo yazy'ka XVIII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. (1984). (Iss. 1). Leningrad.
- Slovar' sovremennoego russkogo literaturnogo yazy'ka* [Dictionary of the modern Russian literary language]. (1948–1965). (Vols. 1–17). Moscow; Leningrad.

- Slovar' vologodskih govorov* [Dictionary of the Vologda dialects] (1983–2007). (Vols. 1–12). Vologda.
- Slovník bukovinských govorek* [Bukovina dialect dictionary]. (2005). Chernivtsi: Ruta.
- Słownik polszczyzny XVI wieku*. (1949). (Vol. 1). Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź.
- Sokolov, I. A. (2012). *Chaj i čajnyj torgovlja v Rossii: 1790–1919 gg.* [Tea and tea trade in Russia in 1790–1919]. Moscow.
- Stavicz'ka, L. (2005). *Ukrajinskij zhargon: Slovník* [Dictionary of the Ukrainian jargon]. Kiev.
- Tematičeskij slovar' govorov Tverskoj oblasti* [Topical dictionary of the Tver region dialects]. (2003–2006). (Vols. 1–5). Tver.
- The Oxford English Dictionary*. (1989, 2 ed.). (Vol. 1–20). Oxford.
- Турпа, А. (2011). *Cudzoziemcy i obce kraje w dialektach polskich*. Kraków.
- Jaroslavskij oblastnoj slovar'* [Jaroslavl region dictionary]. (1981–1991). (Iss. 1–10). Jaroslavl.
- Yastrebova, N. G. (2012). Moskva v tvorčestve F. N. Glinki i v fol'klore [Moscow in works of F. N. Glinka and in folklore]. *Russkaya rech'*, 5, 107–115.
- Yusipova, R. R. (2005). *Tureczko-russkij slovar'* [Turkish-Russian dictionary]. Moscow.
- Zborowski, J. (2009). *Słownik gwary Zakopanego i okolic*. Zakopane-Kraków: Wydawnictwo Naukowe DWN.
- Zhurauski, A. I. (Ed.). (1982). *Gistary'chny' slounik belaruskaj movy'* [Historical Dictionary of the Belarusian language]. (Vol. 1). Minsk: Navuka i tehnika.

The article was submitted on 12.02.2015

Елена Львовна Березович

профессор,
Уральский федеральный
университет,
Екатеринбург, Россия
berezovich@yandex.ru

Elena Berezovich

Professor,
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia
berezovich@yandex.ru

Юлия Александровна Кривошчапова

к. филол. н.,
доцент кафедры филологии СУНЦ
УрФУ,
Екатеринбург, Россия
insekt@yandex.ru

Iulia Krivoschchapova, Dr.

Specialized Educational
Scientific Center of Ural
Federal University,
Yekaterinburg, Russia
insekt@yandex.ru